

Есть ОКНО такое...

• Театральное приложение, май 2013

Поговорим о спектакле «Телефон говорит»...

КАК Я СТАЛА НИКИТОЙ ДАШКЕРИЧЕМ

Дарья Никитина (Финогеева)

– Ну, устрой ты ей бенефис, что тебе, жалко? – крикнул Валерий Борисович Крапиль идущему впереди Маэстро. Это было теплым апрельским вечером прошлого года, мы гуляли после премьерной недели. Я шла и шутила, что за одиннадцать лет студийной жизни так и не дослужилась до главной роли.

Маэстро обернулся и посмотрел на меня хитро-хитро – так, как только он умеет:

– Напишет пьесу – устрою.

Вот зачем он это сказал! Зачем? Знает же, что я буду мучиться теперь! Хотя я вроде и не соглашалась... ведь, правда? Да с чего он вообще взял, что я что-то могу? Что за человек, право слово.

Я злилась все лето и все-таки раз за разом садилась за ноутбук. Выдумывала сюжет. И так выходило фальшиво и пресно, что я, ругаясь, удаляла все, не дописав и страницы. К концу августа у меня не было написано ни строчки.

А ВА еще и масла в огонь подливал – охал, что поставить нам совсем нечего, что «резервы интернет-драматургии исчерпаны!» И я робко предложила прислать черновик пьесы к концу недели. Он согласился мельком и односложно, будто ему все равно.

– Ну и напишу! – думала я, качая ногой детскую кроватку. – Ой, да кого я обманываю... О чем я могу написать? Ей-богу, жизнь у меня достаточно простая – муж, ребенок, работа. Да у меня вообще главное развлечение – узнавать, что у других людей происходит. Сидеть на кухне с маминными подругами и слушать их байки из прошлого. Вот у мамы была молодость! Сколько интриг, приключений, страстей. Поэтому она и писала рассказы. Да один Семенов чего стоит!

Дочка заснула, и я стала бродить по темной комнате взад-вперед.

– Эх, Семенов...

Не вовремя мы с тобой познакомились. Мне было всего четырнадцать, куда мне понять все хитросплетения твоей души. Мамин друг юности. Ее «закадычный враг и заклятый друг». Ты возник, как праздник, из ниоткуда. Ты был один такой. Однажды, например, позвонил с невинным вопросом: «Накормите ужином?» А мы с мамой лежали с бронхитом, сказали, что угощать нечем, в холодильнике мышь повесилась, приезжай – просто поболтаем. Ты приехал тогда и привез столько продуктов, что пришлось загрузить холодильники всех соседей. Ты на свой день рождения (к слову, 1 апреля – шутка ли) отвез нас на дачу Пастернака, познакомил с Вознесенским, который читал нам с братом стихи. А ты смотрел, прислонившись к дверному косяку, и улыбался. Ты увез нас в сумасшедшую, забываемую по-

Господи, дай же ты каждому, чего у него нет!

ездку. Показал нам мир, такой огромный, что у нас не хватало сил его объять. А я не поняла тогда, что ты очень нуждаешься в нас, я рьяно защищалась от твоего острого юмора, от жестких поступков, от бесконечных игр. Девчонка, что сказать. Ты прости меня, пожалуйста. Не успела вырасти и сказать тебе это лично. Вот теперь говорю, как умею...

Я все ходила, ходила и думала о нем. А потом открыла мамин рассказы. И потихоньку, шаг за шагом, стала собирать мозаику пьесы – рассказы мамы (Лики) о Семенове и о ее бесконечных

странных женихах (Марик), о знакомстве с моим папой (Александром). Вспомнила, как моя тетя (Мила) встретила своего первого мужа (Мишу). И неожиданно прошедшую невменяемую соседку снизу, которая опять попросила помыться всей семьей в нашей ванной. И просто брошенную подружкой горькую фразу: «Даш, ты представляешь, а мама мне на это говорит, это видно по твоей кислой мине»...

А потом я подумала еще немного и решила подружить мою маму с собой (Натшей). Нам ведь всегда есть о чем поговорить. Через три дня был написан первый вариант. Он был такой родной и близкий, будто семейный портрет. И Маэстро его не принял. Как это было правильно и важно – не принять его! Меня захлестнуло столько чувств – отчаянье, злость на то, что я в это вязалась, желание во что бы то ни стало написать эту пьесу и при этом большой страх стать графоманкой. В общем, я опять

Папа у нас Георгий! Победоносец! Носится со своей победой...

ты представляешь, а мама мне на это говорит, это видно по твоей кислой мине»...

А потом я подумала еще много и решила подружить мою маму с собой (Натшей). Нам ведь всегда есть о чем поговорить.

Через три дня был написан первый вариант. Он был такой родной и близкий, будто семейный портрет. И Маэстро его не принял. Как это было правильно и важно – не принять его! Меня захлестнуло столько чувств – отчаянье, злость на то, что я в это вязалась, желание во что бы то ни стало написать эту пьесу и при этом большой страх стать графоманкой. В общем, я опять

укладывала дочь – и меня опять осенило. Раз так, то я пойду ва-банк! Возьму и расскажу, например, историю очень известного в шоу-бизнесе человека, который бросил свою беременную невесту – подругу нашей семьи. И как раз в этом году моя сестра работала в «Пусть говорят» и помогала устроить на передаче его юбилей с воссоединением семьи. Он отказался. Подлец и трус. Ничего, его ребенок вырастет и сам все расскажет, а я пока пофантазирую, что из этого выйдет!

Это было как раз перед моим днем рождения. Почему-то мне было так важно успеть до него, что я писала целую ночь без передышки. Я сидела и перемешивала персонажей раз за разом, стараясь, чтобы они получились объемными, интересными мне, чтобы их хотелось играть. Накануне моего дня рождения Маэстро сказал, что пьеса ему понравилась.

А дальше началось мое обучение. ВА выделял в тексте безличные точки, указывал на белые нитки, неудачные ходы – а я переписывала, исправляла, корректировала. Совершенно не было жалко исходника, я и не воспринимала его как что-то свое. Просто почва для работы, не более. Мы трудились, фантазировали, впереди замаячила читка. Я вообще не хотела, чтобы кто-то знал о моем авторстве. И это совпало с желанием режиссера устроить розыгрыш, практически создать пьесу в пьесе. Недолго думая, он превратил меня из Дашки Никитиной в неизвестного белорусского драматурга – Никиту Дашкевича. Так автор пьесы и был представлен на самой страшной читке в моей жизни... Я старалась не смотреть на лица студийцев, глядела в окно и думала: «Пусть они сейчас засмеются. А вот сейчас затаят дыхание. Пусть им будет хоть чуть-чуть интересно». И прокатило! Кому-то даже понравилось, Милена плакала! О, как я была благодарна ей за эти слезы (я, правда, не знала тогда, что с ней это случается часто)! Это была наша первая радость.

Потом были месяцы репетиций. Писать о них, пожалуй, не стоит. Просто еще одна большая жизнь прожита. К генералкам я поняла, что в ужасе. Думала о спектакле, и меня прошибал озноб. Я совершенно не могла воспринять постановку целиком. Смотрела и видела какую-то бредятину, мне казалось, что все сцены не связаны между собой, что все разваливается на куски. Думаю, если бы ВА предложил по какой-либо причине отменить спектакль, я бы живо согласилась. Но он не предложил. И наступил премьерный понедельник. Стоит ли говорить, что я была не в себе? Не хотела ни видеть, ни слышать никого из труппы. Не хотела знать, кто придет на спектакль.

С тобой так легко, спокойно... Удивительно – спокойно, но не скучно.

И потому впервые за свою театральную жизнь не пошла продавать программки. Я только мечтала сыграть Лику нормально, не поддаваться этому волнению целиком. Всю первую сцену мне было страшно до дрожи в коленях. Я все ждала, что кто-то из зала закричит: «Это фальшивка! Пьеса не настоящая!»

А зрители стали принимать шутки, аплодировать и затихать в паузах. И стало полегче. Знала бы я, что мне предстоит пережить во вторник! Когда я осознала, что вот сегодня мои друзья, любимые, молодые, талантливые, выйдут на свой у кого первый, у кого второй спектакль... А я своей пьесой могу им все испортить... Это был тихий ужас. Но вот кого-то проводили со сцены аплодисментами, вот кто-то произнес свои слова так точно и чувственно, что ему поверили безоглядно. Они справились! Они вытянули свою премьеру на «отлично»! Я стояла за кулисами, смотрела, как им дарят цветы, и... плакала.

Пролетели среда, четверг, пятница. Нервов было столько, что родные стали отпускать шуточки по поводу моего психического здоровья. И когда в пятницу Маэстро подарил мне мою минуту славы, в голове было только одно: «Какое счастье, что все наконец закончилось!»

Поверьте, это было бы так здорово: отец и сын, встреча через два десятилетия!

А оно не закончилось... Наоборот, самое волшебное только начиналось. Я спустилась за кулисы и увидела слезы в глазах своих друзей-студийцев. Они и плакали, и смеялись, и что-то выкрикивали. Всех захлестнуло ощущение какого-то всеобщего праздника. Будто мы все – часть чего-то большого, трогательного и немножко неправдоподобного.

Все-таки иногда стоит верить людям, которые верят в тебя.

Когда делаешь что-то, самый большой страх – что мнение людей вокруг о тебе изменится. Например, напишу я пьесу неудачно, и люди станут относиться ко мне с пренебрежением или сочтут пустышкой, выскочкой. Ведь это не мама и не муж, даже не брат, которые любят меня безусловно. И потому как было дорого, когда человек, ругавший пьесу при мне, не зная, что ее написала я, сказал потом: «Независимо от твоих актерских и драматургических успехов я тебя люблю!». Что может быть важнее этого знания? Быть может, только тихая радость от того, что в маминой жизни был ее Семенов. А в моей есть мой Режиссер.

Как я стала Никитой Дашкевичем? Вопрос. А я им стала? А может, мы им стали? Ведь и Дашкевич, и пьеса – это общий проект: мой, режиссера, труппы и всех тех, чью молодость мне так хотелось возвратить. Такое большое приключение всей студии.

А вот кем я стала за этот год? Пожалуй, я просто чуть больше стала собой.

НЕРЕСЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

Зинаида Панфиль (Гульдина)

Проходя вечерами мимо светящихся окон домов, я мрачнела. «Телефон доверия» донес из прошлогоднего спектакля зеленое яблоко Афродиты, но теперь-то это уж точно не яблоко любви, а яблоко раздора. И при виде ярких окон в ночи мне не казалось, что за ними «рук не разнимут двое» – вместо этого мне думалось о том, сколько в этом мире горя. Так было несколько дней после спектакля.

Говорят, трагедии нужны для того, чтобы зритель принимал очищение через страдание. Надеюсь, что много, много душ, наплакавшись во время немой телефонной сцены в конце спектакля, вышли из зала возрожденными. Я была уверена, что и со мной так будет. Но страдание со сцены я унесла домой. Потому что горя в этом спектакле – через край. Виднее всего задыхающееся в себе горе композитора Крушевского. Где сыскать горе страшнее? Отказаться от любимой, от сына, от себя ради брака по расчету с человеком, который не ценит тебя ни на грош. И жить в семье, где нет ни капли искренности, а единственная не очерствевшая душа – Алика – того и гляди очередной выходкой погубит твою драгоценную карьеру. Горе самой Алики тоже аршином не измерить. Она в семье Крушевского чужая не потому, что приемная, а потому что живая. Эти страдальцы на первом плане. Но на сцене у каждого – свое горе. И у Эллы («Мой... папа?...»), и у Наташи («Да накричи уже на меня хотя бы!»), и у Кати Щегловой, и, как ни странно, даже у комического персонажа – соседки сверху: Марик ушел. И шампанское унес. И ведроко.

Как жить, если ради карьеры превращаешься из счастливейшего Юрия в нелюбимого Георгия? Как жить, если

Редактор меня убьет. Как мы завтра выпустим передачу?

«твоя Лика» берет и влюбляется в другого? Как жить, если на том конце провода – молчат?

Нам вроде бы должно быть легче оттого, что в самом финале Лика находит в себе силы открыть окно. Нам должно становиться легче оттого, что она, как связующее звено, на поклоне берет за руки и словно объединяет своим доверием людей, находящихся по разные стороны непримиримых конфликтов. Но все же после спектакля я вышла с полной грудью неизбывного горя. И носила его несколько дней, пока не поймала себя на том, что в голове, как заевшая пластинка, звучит: «Вот опять окно, где опять не спят...». В этот момент и я внезапно получила свою порцию очищения, осознав наконец-то, что, раз в конце мы слышим эту песню, значит, Юрий Крушевский все-таки ее написал.

ЛЮБИТЬ И ВЕРИТЬ

Евгения Клыкова

«Я люблю тебя... У меня нет никого ближе тебя... Я обязательно вернусь к тебе... Ты мне веришь? – Мне больше ничего не остается. Ты ведь никогда меня не обманывал...»

Кто эти влюбленные двое, которые «никак не разнимут рук»? Двое, потерявшие покой, безмерно счастливые друг другом. Двое, готовые часами просто сидеть рядом, глядя друг другу в глаза, забыв о времени, словно его и нет вовсе.

Кто этот юноша, который нежно берет девушку за руки, ласково смотрит ей в глаза и обещает вернуться? Кто эта девушка, которая обещает ждать? У них нет имен, но есть судьба. Они живут в прологе истории любви разных людей...

«Я вернусь к тебе... Ты мне веришь?..»

Конечно, она поверила. И как не поверить ему – такому искреннему, светлому, влюбленному? Любимому... Ведь он любит ее одну, с того дня, когда впервые увидел. И он всегда будет помнить ее голубое платье в белый горошек и еще царапину на коленке. Всю жизнь будет помнить... Но они ошиблись – он не вернулся. Обманул их общее доверие друг к другу и своей судьбе. Обманул себя и потерял настоящее, неподдельное счастье. Обманул и ту, другую, которая, в общем-то, ни в чем не виновата... И ему остается только одно – снова и снова возвращаться к яркой и громкой пустоте, на всеобщее обозрение. Он потерял свою силу и

волю – он возвращается, всегда возвращается, куда ему укажут.

Кто может выслушать его? И простить? Наверное, только она – та, что бесконечно любила его всегда, до самого конца...

«Я вернусь к тебе... Ты мне веришь?..»

Разумеется, верит. Верит и ждет. Она уже другая? А он? Он поехал искать справедливость. Правду искать. Он знал, каково это – не дожидаться. И он вернулся. Наверное, он счастливый. Они счастливый.

«Я вернусь к тебе. Ты мне веришь?..»

Нет сомнений, что она очень любит своего мужа, просто не может без него жить. Они так доверяют

**Ограбили страну!
Обычный учитель в школе впахивает за копейку!**

Нет, он слишком заигрался и вряд ли снова найдет настоящего себя в этой бесконечной череде масок. Играя чужими чувствами, чужими жизнями, он уверен, что его собственные чувства и жизнь в безопасности. Но ведь так не бывает!... Перекрывая чужие судьбы, он безнадежно ломает свою... Конечно, он почувствует эту боль, *свою* боль, увидит обломки *своей* жизни... Но будет поздно. И от этого еще больней, еще страшней...

Кому же довериться? Ведь он не умеет верить...

Неужели мы все разучились верить и доверять? Неужели мы стучимся раз за разом в открытую дверь и сами же закрываем ее?..

А те двое, в прологе... Вы знаете, мне кажется, они счастливы. Мне очень хочется, чтобы так было.

И я верю, что в каждом доме обязательно есть такое заветное окно, *«где опять не спят./ Может, пьют вино./ Может, так сидят...»*

«Я вернусь к тебе... Ты мне веришь? – Ты ведь меня никогда не обманывал...»

Вы знаете, а я верю. Не могу не верить. Не хочу не верить.

**Надо учиться
маминому мастерству.
Влюбить в себя
с первого взгляда!**

**Ты меня еще
никогда не обманывал...
Ведь не обманывал?**

друг другу, что рассказывают обо всем, ничего не утаивая. Ничего! А флирт? Ну что ж, он вполне безобиден, если не переходить границ. И потом, они другу другу доверяют... Они безмерно счастливы! Подумаешь, увлечение... Она ведь мужу расскажет, и он простит. Непременно, простит!

Действительно, прощает... А может, ему уже просто все равно?... А где же тогда любовь и счастье? Где доверие?

«Я вернусь к тебе. Ты мне веришь?..»

Дмитрий Пимкин:**«ДАЖЕ ДУМАЛ БРОСИТЬ ЭТО ДЕЛО...»**

Многие помнят, что в прошлом Театральном приложении мы назвали открытием года Диму Пимкина. В этом году Дима уже не дебютант, однако его исполнение роли Артема было настолько поразительным, что мы не можем пройти мимо и во второй раз подряд берем у него интервью. Убеждены, что вы будете только рады.

Дима, можно поздравить с успехом? Многие считают твою игру в этом спектакле самой яркой.

Думаю, можно. Год выдался нелегким, и пьеса была нелегкой, но мы сделали это.

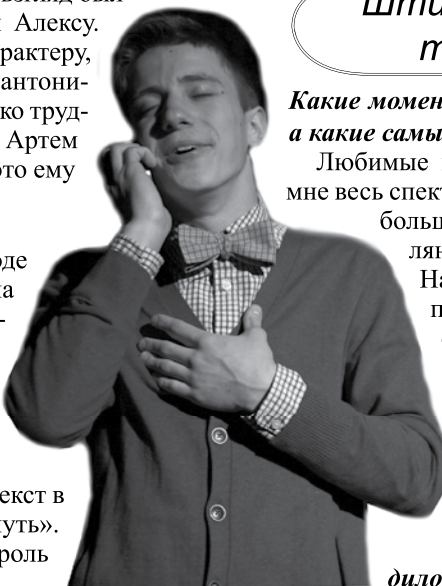
Что касается моего вклада... Если речь идет об усилиях, которые я приложил, создавая роль, то я не соглашусь, так как все без исключения проделали колоссальную работу. Если речь идет о том, как я сыграл, то и здесь я не соглашусь, потому что, мне кажется, такое мнение появилось только благодаря моему герою, который по определению не может остаться без внимания; это он (а не я) был «самым ярким». Лично я считаю самой яркой работой Даши Никитиной (и я говорю про игру на сцене, а не про авторство пьесы), именно ее игра притягивала мой взгляд.

Были сомнения в начале, какую роль в пьесе выбрать?

Сразу же после первой читки мой взгляд был прикован к двум героям: Артему и Алексу. Артем был мне очень близок по характеру, по поведению. Алекс же, напротив, антонимичен мне, стало интересно, насколько трудно будет его сыграть. ВА решил, что Артем мне больше подойдет – и я очень за это ему благодарен.

Как работалось над ролью?

Сначала было очень трудно: вроде бы казалось, что я настолько похож на героя, что играть-то особо и не придется, но у меня ничего не выходило. Все получалось не так, как того хотел режиссер, в какой-то момент я даже думал бросить это дело, настолько меня раздражало, что ничего не выходит. Но причиной тому был текст в руках, от которого я не мог «отлипнуть». Как только я освободился от него, роль начала потихоньку получаться.

Штирлиц никогда не был так близок к провалу!

Какие моменты спектакля были самыми любимыми, а какие самыми трудными?

Любимые моменты выделить очень трудно, так как мне весь спектакль очень нравится. С моим участием мне больше всего нравится первая сцена, где я появляюсь: как Артем заигрывает то с Ликой, то с Наташей, то с Соседкой. Самой трудной была последняя сцена. Трудной она была в эмоциональном плане: очень большой контраст, сначала я все еще шучу, ерничаю, а потом взрываюсь. Взорваться правильно было особенно трудно, заигрывать на сцене для меня не составляет труда, а злиться и проявлять ревность натурально крайне сложно.

Семенов сильно на тебя похож? Приходилось слышать, что ты сыграл сам себя – это так?

На мой взгляд, достаточно сильно, хотя в чем-то он совсем не похож на меня. По этому поводу я слышал совсем разные мнения: одни говорили, что мне было труднее всех, так как Артем был совсем не похож на меня; другие, напротив, говорили, что я копия своего героя.

Какова атмосфера в студии?

Атмосфера в студии по-настоящему дружелюбная. Все друг другу помогают.

Как тебе – уже опытному студийцу – новички этого года?

Я же всего лишь второй год в студии, поэтому не так уж я и опытен. Не мне их судить.

Как отреагировал на известие, что автор пьесы – Даша Никитина? Когда об этом узнал?

Я, как и все, был в глубочайшем шоке. Узнал я, как и все, на сцене в пятницу. Я не поверил своим ушам и сначала подумал, что это очередная шутка от ВА. Позже еще долго не мог отойти от потрясения и с откры-

**Как сделать, чтоб ты ушла?
Снова тебя поцеловать?**

тым ртом слушал реальную историю от Даши Никитиной. До сих пор с трудом верится.

Какие чувства испытывал после окончания театральной недели?

Во-первых, гордость. Мы работали семь месяцев и довели все до конца — и, как мне кажется, до идеально-го конца. Во-вторых, как и в прошлом году, я чувствовал опустошение: закончился очередной сезон, больше не будет репетиций, а без них так трудно. Ведь каждая репетиция для меня — что-то особенное, очень важное, здесь меня ничто не волнует, кроме спектакля, я забываю обо всем, обо всех проблемах...

Ты заканчиваешь 11-ый класс. Мы еще увидим тебя в спектаклях студии?

Это целиком и полностью зависит от моей будущей занятости. Разумеется, я постараюсь сделать так, чтобы успеть и в театральную студию. Так что, «ждите-ждите».

Вот такой подлец, такие дурацкие у него шутки.

НЕМНОГО О ЗАГЛАВНЫХ БУКВАХ

Алексей Макаров

Вся наша жизнь — это бесконечная паутина из ошибок и страха ошибиться. Мы выбираем и либо ошибаемся в самом выборе, либо — в оценке его значимости. Поэтому когда из двух вариантов оба ошибочны, нужно искать третий. Или ждать, пока выбора не останется вообще.

Примерно так думал я, сидя в актовом зале и с интересом глядя на сцену. На сцене читали стихи. Кто-то — хуже, кто-то — лучше, все — с волнением. Творился выбор. И выбор этот должен был быть ошибочен. Впрочем, сам факт того, что я сижу в этом зале, возможно, и есть ошибка. Еще не совершенная окончательно, но уже неизбежная...

Театральная Студия гимназии с самого начала была для меня загадкой. Причем загадкой, которую я держал где-то в самом уголке сознания, нисколько не пытаясь ее разрешить. За весь восьмой класс я слышал о существовании Студии дважды (от Дарьи Михайловны и от Антона Ильича), но из этих упоминаний узнал только, что какая-то студия есть и что мне, возможно, следовало бы попробовать туда поступить. Кроме этого я ничего не знал, да и не пытался узнать, и вообще не думал о Студии. Более того, мне

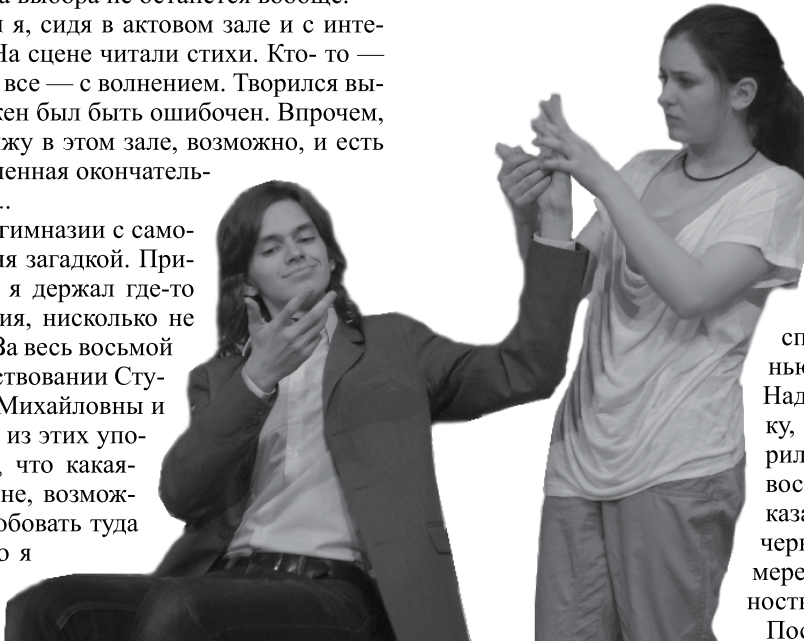
даже удалось прогулять прошлогодний спектакль, просто потому, что я в принципе не представлял о его существовании. В итоге только на уроке литературы с Дарьей Михайловной, когда все обсуждали саму постановку и игру актеров, я почувствовал, что, кажется, что-то пропустил. Открытием стал не только сам факт прошедшего спектакля, но еще и то, что и в нашем классе, оказывается, были актеры Театральной Студии.

Столь же упорно, как и саму Студию, я игнорировал и ее руководителя. Непроизвольно, конечно, но факт остается фактом: в момент, когда Вадим Александрович впер-

вые вошел в наш класс как учитель литературы, я понял, что лицо этого человека мне совершенно незнакомо. Мы, как минимум, полгода почти каждый день ходили одними теми же коридорами, наверняка множество раз находились в нескольких метрах друг от друга, но я совершенно не знал этого человека, не запомнил его хотя бы мельком... Таким образом, почти полгода довольно объемная часть школьной жизни просто с невероятным упорством проскальзывала мимо меня, огибая всеми возможными

способами. К тому же, осенью 2012-ого я записался к Наде Беляковой — человеку, чей спектакль я умудрился все же посмотреть в восьмом классе и этим, казалось, окончательно отчеркнул себе по крайней мере на год всякую возможность играть где-либо еще.

После всего этого как бы, кажется, не увериться окончательно и бесповоротно, что дорога в Театральную Студию к ВА мне не лежит? Я и до сих пор сомневаюсь, так ли это было, что уж говорить о моих мыслях тогда! Так или иначе, выбор был сделан — и двери Студии открылись передо мной. Жаль все же, что я так и не побывал здесь ни разу зрителем: не было с чем сравнивать, не было волнения от смены взгляда на спектакль, не было, наконец, благоговения от прикосновения к тайной стороне давно известного предмета. Студия вошла в мою жизнь как что-то совершенно новое, не затрагиваемое раньше. Впро-

Какие у Марика изящные руки — сразу видно интеллигентного человека.

вошел в наш класс как учитель литературы, я понял, что лицо этого человека мне совершенно незнакомо. Мы, как минимум, полгода почти каждый день ходили одними теми же коридорами, наверняка множество раз находились в нескольких метрах друг от друга, но я совершенно не знал этого человека, не запомнил его хотя бы мельком... Таким образом, почти полгода довольно объемная часть школьной жизни просто с невероятным упорством проскальзывала мимо меня, огибая всеми возможными способами. К тому же, осенью 2012-ого я записался к Наде Беляковой — человеку, чей спектакль я умудрился все же посмотреть в восьмом классе и этим, казалось, окончательно отчеркнул себе по крайней мере на год всякую возможность играть где-либо еще.

чем, может быть, и в этом были свои плюсы — не знаю.

Не нужно быть большим психологом, чтобы уловить «статусное» значение именованья: студиец. Я имею в виду то особое отношение к Студии, сложившееся в школе, и ту вспышку легкого недоверия и чуть ли даже не восхищения в глазах собеседника, когда он узнавал, что ты (произносится как бы вскользь, деланно равнодушным тоном) *играешь в Старшей Театральной Студии*. Произнесение этой фразы вмиг превращает тебя в носителя тайного знания, недоступного для большинства. Кто-то говорит об этом в шутку, кто-то — всерьез, кто-то красноречиво молчит, но практически все без исключения реагируют на эту новость именно так. Наверное, здесь и кроется корень моего долгого скептического отношения к Студии и ко всему, что с ней связано: люди слишком восхищались тем, что у меня самого не было возможности оценить со стороны. Фактически, находясь внутри процесса, я знал о Студии не больше, чем все. И в душе моей начало рождаться ощущение, что *культ Студии* в школе — смешная и нелепая вещь; что восхищение всех вокруг чрезмерно и что, наконец, глупо поддаваться этому общему порыву. Немалую роль сыграл здесь и тот пафос, с которым о Студии говорили сами ее участники. А еще, пожалуй, ощущение неловкости перед теми, кто говорил о Студии с придыханием. Результатом стала невероятно странная модель отношения к своему делу — модель *случайного гостя*, доброжелательного, готового помочь, но все-таки случайного.

Только сейчас, набирая этот текст и пытаясь осмыслить содержание отрезка времени от вечера с чтением стихов до нынешней секунды, я понимаю (или думаю, что понимаю) мотивы своих даже не столько поступков, сколько чувств и мыслей. Тогда же я мыслил и чувствовал так, будто моя холодность к Студии — это нечто само собой разумеющееся. И так продолжалось почти до самой премьеры: я

приходил, отыгрывал свою роль и уходил — несложная работа. Изменил все спектакль. Точнее, то, что вышло из спектакля за время, пока я вообще забыл следить за тем, как он меняется. Забавно, что уходя с репетиций раньше и не приходя в те дни, когда ставились некоторые сцены, я получил-таки под конец то, что так глупо пропустил годом ранее — ощущение Зрителя. Станный был вечер. Я шел домой пешком и думал о спектакле, о своей роли; затем незаметно перешел и на другие мысли: о том, как мало взял от этих двух часов в день по вторникам и пятницам, как мало узнал о людях, с которыми вместе играю. Год Студии прошел и оставил после себя ощущение

Общество регрессирует. Люди больше не читают Кафку!

неполноты, незавершенности. Наверное, это с любым делом так: если слишком много думать о восприятии его, само удовольствие от дела теряется. Вместо того, чтобы играть, я воевал с большой буквой в слове Студия, поминутно пуская в ход весь арсенал, имеющийся у моего разума. Забавно, что каждый шаг к победе обесценивал то, чем я занимаюсь, и в итоге сводил смысл самой борьбы на нет. *Когда выбор уже сделан и все вокруг считают его верным, у тебя всегда остается возможность ошибиться в распоряжении его плодами — свести правильное решение к ошибочному.* Нет, конечно, этот театральный год не был прожит зря — просто он был прожит в половину, в четверть того, что мог бы дать. Что ж, хорошо, что он не был последним...

Я, когда в Москву переехала, сначала официанткой как бы работала...

КАК Я ПОЛЮБИЛА...

Милена Саркисян

Яркая, веселая, безбашенная, сумасшедшая, талантливая, милая, смешная, добродушная – все это о ней, о моей Соседке. Казалось бы, каждый актер мечтает о такой роли, но... С первой же репетиции я поняла про себя, что ни за что и никогда не хотела бы играть ее. Когда ВА просил меня читать эту роль, я думала – это какая-то шутка. Ну а когда я узнала, что мне целый год предстоит работать над этой «Полоумной», я (страшно подумать!) даже хотела отказаться и совсем уйти из студии. Сейчас, вспоминая это, я удивляюсь своей недалекновидности...

Работа шла туго. Думаю, я была самым сложным актером и со мной было больше всего проблем. Я никак не хотела смириться с тем, что мне не досталась главная роль, и все, что режиссер просил меня делать, я делала будто назло, формально, по принуждению.

Время шло, у многих уже были успехи, и они слышали «хорошо» и «отлично» из уст Мастера. Моя роль никак не клеилась. Нет, я знала текст, я двигалась так, как надо, и говорила то, что надо. Но не было чего-то очень важного, того, что делает любую роль настоящей, – не было души.

ВА говорил мне: «Полюби ее, прими ее, тогда все получится», – но мне казалось, что я и так приняла ее (чего еще от меня хотят?) – а ничего не получается...

Оставался месяц до премьеры, и вся студия – по недавно заведенной традиции – села обсудить характеры своих персонажей. И вдруг я поняла, что совершенно не знаю, какая она, моя Соседка! Понятно, что она «немного не в себе», но что заставляет ее ходить по этажам и снова приходиться к Крушевским? Что или кого она ищет?

И я заставила себя думать об этом, и стала понимать, какая она, и вдруг все пошло на лад. Я влюбилась в

нее, в ее стихи и в ее чудесный смех. Мне стало невыносимо жалко эту женщину, она стала частью меня. Я чувствовала все, что чувствовала она, переживала все, что переживала она.

И вот уже я получаю «хорошо» и «отлично» от Мастера и недоумеваю, как могла не хотеть эту роль, как можно не любить мою Соседку...

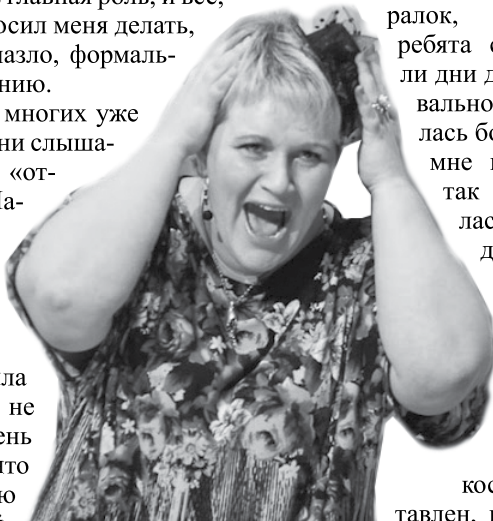
Пришла пора последних генералов, все ребята с ужасом считали дни до премьеры (буквально считали!). Я боялась больше остальных, мне казалось, если я так поздно раскочкалась, я не успею доделать роль, и тогда ВА разочаруется во мне и выгонит из студии (я всегда так думаю). Последняя репетиция: актеры в костюмах, свет поставлен, все декорации на сцене. Я подумала: «Сейчас или никогда!» – и пошла на сцену. До сих пор с замиранием души вспоминаю момент, когда Мастер зашел за кулисы и, улыбаясь своей фирменной улыбкой, сказал: «Роль готова. А я ведь в тебе не сомневался». Я поняла, что если бы не вера в меня, у меня бы никогда ничего не получилось. В меня верили все: ребята из студии, режиссер и, конечно, Даша... то есть Никита... ну, вы поняли. Я безумно благодарна моей театральной семье за эту веру в мои силы и никогда не устану говорить им слова любви.

... И все-таки вернемся к ней, к моей Соседке. Не понимаю, почему Лика называет ее «сумасшед-

*Твой дождь внутри,
А мой снаружи...*

шей» или Семенов говорит, что она «немного не в себе». Моя Соседка – такая же, как и все женщины. Она ищет своего единственного, того, кто полюбит ее, кто примет ее недостатки и превратит их в достоинства. Она ищет настоящей, преданной и искренней любви, которой достойна каждая женщина. Скажите, что тут ненормального?..

*Мое творчество
и телевидение несовместимы.
Поэтому у
меня телевизора нет.*

*На пороге стихи
о море! Мне нужен звук
струящейся воды.*

«Телефон доверия»

Мне захотелось подурочиться. Кому будет хуже от флирта? Это только прибавляет жизни красок.

Вот только про будущее пурги не надо, давай прошлое расскажи!

*Мой отец?
Он купил тебя?!*

«... И еще раз с юбилеем дорогого Георгия Крушевского! Приятно видеть его на гребне успеха и рядом с любимой женой Элеонорой!»

Папа – талант! После этой передачи о нем снова заговорят, будут концерты, будет триумф!

В ФОТОГРАФИЯХ И ЦИТАТАХ

фотоколлаж

*Шампанское...
Марик
подарил!*

*Я обязательно
сочиню на эти стихи пес-
ню. Для тебя, моя хорошая.
Обещаю.*

*До тошноты скучно. Никакой
интриги. Пришел, поел, очаровал.*

*Да пошла к чертям
собачим ваша передача!
Ничего мне не нужно!*

*Мне тебя жалко. Но и с
этим чувством я справлюсь...*

Евгения Соболева:**«Я БУДУ СКУЧАТЬ ПО СВОЕЙ ЛИКЕ!»**

Женя Соболева всем вам известна по танцам, которые она регулярно исполняет на праздниках, а также по замечательным обложкам нашей газеты. В этом году Женя еще и дебютировала на гимназической сцене – и сразу в главной роли! Ее исполнение роли Алики многих тронуло до слез. Ниже вы увидите интервью с Женей. И поздравляем с дебютом!

Женя, ты учишься в 10-ом классе, но только в этом году попала в студию. Почему это не случилось раньше?

Я перешла на профиль к Вадиму Александровичу, и он сам позвал на прослушивание. А раньше у меня не было времени – занималась танцами, музыкой, рисованием... Хотя, конечно, тайно мечтала, чтобы ВА меня пригласил. Я бы сама не сунулась в студию... Но когда меня приняли, я была такая счастливая!

Волновалась?

Нет. За один вечер выучила стихи, пришла и поступила!

Расскажи об атмосфере в студии.

Вначале очень многие были недовольны своими ролями, и я чувствовала себя неудобно, потому что первый год в студии – и сразу главная роль! Мне казалось, что все настроены против меня. А потом, по мере работы, мы очень сдружились, возникла чудесная атмосфера, особенно когда начались сами спектакли. Мы были как одна большая семья, переживали друг за друга...

С кем ты особенно подружилась?

С Дашей Никитиной. Она меня очень поддерживала, помогала почувствовать уверенность в себе. А в целом были хорошие отношения со всеми.

Как тебе давалась роль?

Вначале я вообще не понимала свою героиню, поэтому просто проговаривала слова, и не очень получалось. Понимание роли пришло уже в конце, когда мы начали репетировать со светом и музыкой. И я увидела Лику! Когда я произносила свои реплики, старалась думать так, как бы думала она. Мне кажется, без этого понять своего персонажа до конца невозможно. А сначала очень переживала и стеснялась. Боялась, что у меня не получится, боялась показывать эмоции. Вдруг не так посмотрят, не поймут...

**Говорю: «Мама, мне так плохо!»
А она в ответ: «Это видно по твоей кислой
мине. Научись держать лицо».**

Получается, что полгода ты была зажата и образ не чувствовала?

Получается... Какое-то время я болела, пропустила две недели репетиций, и мы с младшей сестрой дома читали текст, я – свой, а она – за всех остальных персонажей. Тогда у меня было время подумать над каждым словом. В тот момент я и почувствовала Лику, а когда вернулась к репетициям – все пошло!

Что ты можешь сказать о Лике?

Лика очень похожа на меня. Она обижена на всех, разочарована в людях. Она считает, что мать предала ее отца, снова выйдя замуж. Она почти ненавидит своего отца, потому что он влезает в ее жизнь, не имея на это никакого права. И очень любит свою сестру.

А какова причина ее озлобления на мир?

Причиной может быть ее роман, который разрушила мама. А детей очень раздражает, когда влезают в их отношения. Еще она не делает то, что ей нравится, вынуждена жить в этой среде, в светском обществе. Вообще она считает, что мир несправедлив. Ей кажется, что высшее существо, правящее миром, не замечает ее и не хочет помогать. В это существо люди сначала верят, а потом у кого-то эта вера иссякает, так как с ним поступили несправедливо, жизнь его обделила. В этом причина такого поведения Лики.

С ораториями я не очень... Я «Авторadio» слушаю.

Почему же Лика ничего не меняет вокруг?

Я играла себя. Если бы я ока-

залась в такой ситуации, я бы ничего не могла изменить.

Тебе настолько близка эта роль?

Очень близка! Мне все говорили, что я играю свою полную противоположность, а моя лучшая подруга, которая смотрела спектакль, посмеялась над этими словами и сказала: «Да это вылитая ты, Женя!»

То есть ты отрицаешь весь мир?

У меня похожая ситуация в семье, я прекрасно понимаю чувства, которые Лика испытывает к одному из родителей. Дома мне тоже тяжело находиться. Я, конечно, не ненавижу все вокруг, но разочарована в некоторых людях. Хотя в одном мы с Ликой отличаемся – она считает, что у нее есть право судить и наказывать. Ситуация с Мариком – тому подтверждение.

А как быть с телефоном доверия?

Лика очень закрыта. Но глубоко внутри она хочет помогать, быть нужной. Поэтому Лике прорывает, когда звонит телефон доверия. Она понимает, что от нее зависит, выбросится ли звонящий человек из окна или нет. Она чувствует, что может сделать что-то хорошее. Наверное, причина ее озлобленности отчасти в том, что она чувствует себя ненужной. А внутри она очень хорошая, любит людей, хочет им помогать. Она, можно сказать, живет ради этого. Но дома ее по-настоящему не любят, она чувствует себя обузой... Лика рассказывает о моменте, когда пришла к маме за поддержкой после расставания с молодым человеком, а мама ответила: «Держи лицо». Вместо того чтобы утешить и пригреть, как должна сделать мать. В семье Лика вынуждена носить маску.

Но когда приходят Артем и Миша, она себя ведет так же.

Она не хочет открываться незнакомым людям. Может быть, когда-то она открылась кому-то, а ее обидели. У нее, наверное, так было

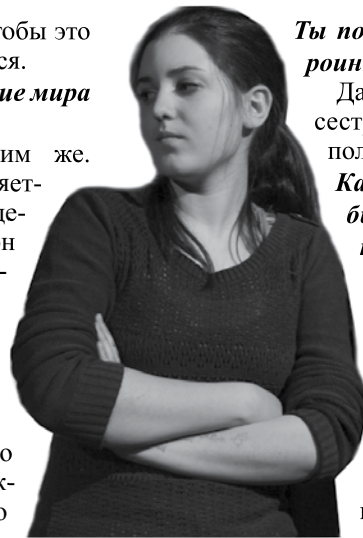
много раз, и она не хочет, чтобы это повторилось, боится обжечься.

Изменилось ли ее восприятие мира от встречи с Алексом?

Нет, оно осталось таким же. Просто когда человек влюбляется, его объект предстает в идеальном свете. Кажется, что он хороший, что он не сделает больно. И потом Лика его простила, не считает его виноватым.

Как Лика чувствовала себя в конце?

Был всплеск надежды, что она будет счастлива с Алексом, что судьба наконец-то благосклонна к ней. А когда он ушел, поняла, что зря надеялась. Это пик разочарования в жизни, ощущение,

Сейчас мы ему устроим самосуд!

Ты полюбила свою героиню?

Да! Она мне как сестра. Я поняла ее и полюбила.

Какие ощущения были у тебя после премьеры?

Приятные. Люди подходили, говорили, что я им понравилась, что они плакали на спектакле. Говорили, что я вжилась в роль. Я очень хотела добиться того, чтобы не было видно, что я играю что-то, чтобы

выглядело естественно. Как будто это живой человек. Это получилось!

С Дашей сравнивали?

Да. Некоторые говорили, что у меня получается лучше, чем у Даши, некоторые – наоборот. Мнения разошлись.

Грустно прощаться с ролью?

Стало очень грустно, когда поняла, что отыграли уже последний спектакль, что больше я не вернусь к Лике. Это как расставание с другом. Я буду скучать по своей Лике!

Сколько тебе нужно времени, чтобы снова стать собой?

Я до сих пор в образе.

Иногда понимаю, что веду себя не как Женя, а как Лика.

Чем этот спектакль был для тебя?

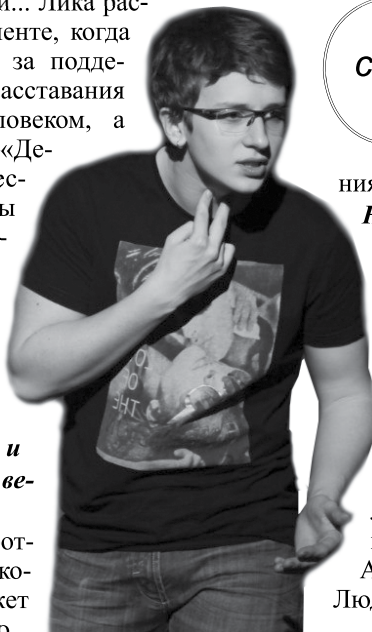
Самореализацией. А еще я многое узнала о себе. Когда стала ассоциировать себя с Ликой, думая, как она, я проанализировала ее поведение и многое поняла про себя. Это очень интересный опыт.

Какие планы на будущий год?

11-ый класс, подготовка к экзаменам. Я поступаю на графический дизайн, мне нужно будет каждый день много рисовать, ходить на курсы. Частично из-за театральной студии я очень задвинула учебу в этом году... Останусь ли в студии? Буду думать об этом все лето. Не уверена, что смогу, но очень хочу!

За чувство, что семью никогда не брошу, я благодарен папе.

Запомни, я тебя не отдам никому, никому, никому!

ния, что она никому не нужна.

Но Артему-то она стала нужна.

А Артем ей зачем? Она же его не любит. Она его воспринимала только как друга. К тому же, он «игрок», а ей это не близко. Ей очень не понравилось, как он поступил с Наташей, хотя после она поняла, что Наташа сама виновата. Лика не считает, что Артем сделал что-то плохое. Люди сами делают тот или иной выбор. Миша сам решил разыграть сестер, Наташе самой понравился Семенов. Никто их не заставлял.

В ПОИСКАХ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КЛЮЧА

Спектакль «Телефон доверия» имеет подзаголовок «Разговоры не для прессы». Мы подумали, что было бы интересно к этому разговору подключить представителей прессы – Владимира Николаевича Рудакова и Зеру Черешневу (многие знают ее под фамилией Кукутидзе). Читайте мнения профессиональных журналистов!

В.Н. Рудаков

Не будет преувеличением сказать, что в этом сезоне театральная студия достигла нового уровня творческой самостоятельности. Если раньше она была кузницей блестящих актерских кадров, при этом авторов пьес нужно было искать на стороне, то теперь у студии появился свой, возвращенный в недрах тереховского театра драматург – «Н. Дашкевич». Дашу Финогееву можно поздравить с дебютом, а В.А. Терехова – с еще одним раскрытым и предъявленным нам талантом. Теперь заинтригованному зрителю остается лишь гадать: а заявленный в афише композитор Владимир Дашкевич – это реальный персонаж или же музыку к «Телефону доверия» (равно как и к культовым фильмам «Бумбараш» и «Приключения Шерлока Холмса») также написал кто-то из студийцев?

Из учащих актёров меня больше всего тронули Дима Пимкин и Катя Копыт. Сидя во втором ряду, я имел возможность с близкого расстояния следить за игрой Пимкина и, признаюсь, не мог оторваться. Мне кажется, на всем протяжении спектакля (по крайней мере, в среду, когда я видел его на сцене) он ни разу не «пережал», ни разу не сфальшивил. И в итоге его герой Артем-Семенов, который, не задумываясь, играет чужими судьбами, не выглядит отпетым негодяем: Диме удалось передать подлинное «очарование зла», которое притягивает к Семенову людей. Именно в этом, на мой взгляд, и состоит актерский успех Пимкина.

Не могу не отметить работу Кати Копыт. Ее игра мне понравилась и в одном, и в другом составе. Напомню, что в первом составе у Кати роль «девушки в прологе»: она появляется на сцене лишь на несколько минут в самом начале, а потом выходит только на поклон. Тем не ме-

Мне Америка аплодировала стоя!

**– Вы из коммунальной службы?
– Не из службы, а из дружбы.**

нее, ее диалог с «молодым человеком в прологе» (С. Фурманов) мне показался очень трогательно и точно сыгранным. Во втором же составе Кате досталась роль Наташи – подруги Алики (в этом составе ее очень по-своему, не похоже на Дашу Финогееву из первого состава, сыграла Женя Соболева). И в этой роли Катя была безупречна. Мне показалось, ей удалось очень точно передать в своей роли несчастье этой умной, тонкой, искренней и честной девушки, которая фактически брошена. Как говорить, «при живом-то муже».

Если говорить о взрослых актёрах, то вторая исполнительница роли Наташи – М.Л. Наумова: на мой взгляд, тоже была очень убедительна. В этом смысле, тандем Е. Копыт-М.Л. Наумова показался мне самым ровным – при всех различиях своего жизненного и сценического опыта и Катя, и Мария Леонидовна – каждая по-своему – глубоко и ярко сыграли Наташу. Очень впечатлила игра А.В. Терехова: настолько органичным получился его Марик. А ведь, играя столь отталкивающего персонажа, мне кажется, вполне можно было перебрать с красками. Еще одна взрослая исполнительница – Т.Я. Орловская, сыгравшая роль соседки сверху, и вовсе подарила нам отдельный моноспектакль, за что ей огромное человеческое спасибо!

В «Телефоне доверия» вообще было много хорошей актерской игры. Но лично мне в спектакле не хватило сопереживания (подчеркиваю: лично мне). Возможно, в этом «виноват» В.А. Терехов: приучил сопереживать своим героям, а в этот раз решил изменить сложившейся традиции. Возможно, автор пьесы ставил(а) перед собой иную задачу. И в том, и в другом случае я уважаю выбор создателей спектакля. Тем более, что, скорее всего, дело во мне. Во всех предыдущих постановках режиссера (а я видел их, наверное, десятка полтора или больше – начиная с «Кофе черный, как весь этот юмор»), были герои, сопереживание которым становилось для меня неким эмоциональным ключом ко всему спектаклю. В «Телефоне» я такого героя не обнаружил, и поэтому эмоциональная грань между сценой и зрительным залом лич-

но для меня осталась непреодолимой. И это при том, что сцена была полна несчастными людьми.

Явно несчастна семья Крушевских. Глава семейства Георгий Николаевич (обожаемый мною А.Я. Орловский) – бездарен, его слава создана руками продюсера-жены (неподражаемая Д.М. Хлестова), на которой, как выясняется, он женился по расчету. Впрочем, она уже столько сил (и средств!) вложила в его сценический успех, что отступить ей некуда – они так и доживут до старости в суеде и нелюбви. И еще не раз ведущий «Первого канала» хорошо поставленным голосом А.И. Молева будет рассказывать зрителям о «выдающемся композиторе и его прекрасной семье». Несчастлива Мила (Е. Шестернева-А. Наумова): она, дурочка, ищет себе «богатенького Буратино» и, возможно, когда-нибудь его найдет. Но даже если так случится, это будет история не про счастье, а про богатство и статус. Чего ее жалеть?! Несчастлива Алика (Д. Финогеева-Е. Соболева) – в кои-то веки она влюбилась, а у этого Алексея (С. Фурманов-К. Смятских), как выясняется, уже есть жена и вот-вот появится ребенок в Германии. Более того – он *принципиально* верный муж (тогда какого черта девять часов таскал девушку по городу!?).

Впрочем, сострадать Алике странно: это ее несчастье – оно не навсегда. Она сама признается, что это ее первая любовь (правда, в начале пьесы Алика, кажется, обвиняет мать в том, что та расстроила ее отношения с любимым человеком?). Что ж: первая любовь часто бывает несчастной (кто любил, тот знает). Но это несчастье – скорее, на пользу человеку, чем ему во вред.

Так же «не навсегда» несчастье таксиста Миши (С. Чернышева в этой роли я, к сожалению, не видел, но Андрей Дегтярев был очень, очень хорош!). Мише, можно сказать, даже повезло, что судьба уберегла его от серьезных отношений с гламурной девицей, «заточенной» лишь на поиск выгодной партии. Так что у него еще есть шанс «создать семью, чтобы было, куда прийти вечером

А что будет с машиной, если я одновременно нажму на тормоз и на газ?

после работы». Про «несчастье» Марика (А.В. Терехов-А. Макаров) и говорить нечего. Он сам по себе – ходячее несчастье, причем сеющее несчастье вокруг (брошенная им дочка Вика, соседка Крушевских, так и не вкусившая шампанского и даже лишившаяся ведра). «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью», – это как раз про него.

Да, есть еще соседка сверху! Мы помираем со смеху в каждое ее появление на сцене, но она, конечно, тоже глубоко несчастная женщина. Марик в ее жизни – лишь эпизод, но далеко не первый и, к сожалению, не последний. Впрочем, милые прибабасы этой женщины ни ей, ни нам не позволяют расстроиться всерьез и надолго. Она еще будет искать свое счастье, в сотый раз заходя на огонек в квартиру Крушевских или еще в чей-нибудь дом. Конечно, по-своему несчастна и Екатерина Щеглова – журналистка «Первого канала» (Я. Климюк-Л. Константиныди). Ее – бездарную, безграмотную, устроившуюся по блату провинциалку – и правда жалко. Но по-настоящему сострадать тут просто некому.

Разве что Наташе (М.Л. Наумова-Е. Копыт): в самом финале она в разговоре с мужем упрекает его в равнодушии, а что может быть страшнее в отношении двух людей? Именно его равнодушие, а не ее желание развлечься, заставляет Наташу кокетничать с Артемом-Семеновым. Но тема Наташи – боковая, это героиня второго плана: недаром она, как следует из афиши, всего лишь «подруга Алики» – не более того. И, значит, ее история по определению не могла быть стержнем спектакля.

Другое дело – мать Алексея: вот, кто по-настоящему заслуживает сопереживания. Брошенная, даже больше – преданная композитором Крушевским ради брака с Элеонорой, а на самом деле ради славы и карьеры, мать Алексея («нашего Алешки», как называют его родители) появляется на сцене только в первые минуты спектакля, а когда разворачивается основное действие, ее (как потом выясняется) уже нет на свете. Честное слово: мне жаль, что авторы потеряли эту линию! «Девушке из пролога» следовало бы вернуться в финале на сцену. Может быть, стоило «присвоить» Лике ее черты, а Алексея «лишить» его германского семейства? Возможно, тогда бы они имели шанс соединиться, и пьеса просто «закольцевалась».

Мне кажется, в этом случае зритель получил бы возможность обратить внимание на ту настоящую драму, которая развернулась на сцене. А так эта сюжетная линия, к сожалению, осталась почти незамеченной, «проходной». А ведь история этой героини – это и есть подлинная завязка сюжета, рассказанного нам Н. Дашкевич(ем) и В.А. Тереховым. Остальные «драмы» вторичны по отношению к ней, они просто мелковаты на фоне совершенного Крушевским предательства, на фоне судьбы брошенной им «девушки из пролога» и их «Алешки». Но это мой личный взгляд...

Однако самое главное все же не это. Вы любите нас, вы играете для нас. Мы чувствуем вашу любовь и поэтому каждый год ждем апреля. Спасибо вам за вашу игру и за это ожидание. Для нас это очень важно, поверьте!

Да, телефон доверия. Тихо, тихо, давайте просто поговорим.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Зера Черешнева

Не честно, наверное, говорить о спектакле, увидев лишь один последний день. Но я все-таки попробую.

...Столько интересных линий, обломанных желаний, несбывшихся планов и пошатнувшихся взглядов в одном пространстве. Столько, сколько обычно бывает у людей в себе уверенных, пытающихся чего-то добиться. Мощные персонажи рассыпаны по школьной сцене. И все они такие несчастные в своем личном одиночестве с первого момента пьесы.

Композитор Крушевский – в чем-то жалкий, знаменитый товарищ, похоронивший чувство всей жизни ради прославления себя любимого. Не сложно сыграть кого-то легендарного, гораздо сложнее сыграть человека, к которому публика должна испытывать жалость и отвращение, у А.Я. Орловского это получилось. Элеонора – ничем не плохая, отчаянно плетущая гнездо уюта, верная до аллергического воспаления жена. Ей ведь на самом деле было вообще все равно, кого любить, главное, чтобы это было престижно, чтобы равновесие благосостояния сохранялось и чтобы кредитная карта не отказала во время шопинга. У нее внутри все уже давно умерло тогда, еще в первый раз, когда она осталась одна с ребенком. И благодаря богатому папе, вера в светлое будущее гуляла по ее крови разгулявшимся вирусом.

Бесстыжая бунтарка, живущая всем назло полной жизнью, презирающая отца и не любящая мать, сама не знающая, куда ей деться от такой благодатной семьи, Алика. Скучно тебе, Алика, было в этой картонной коробке, тесно? Так надо было идти на волю, завоевывать мир, работать волонтером, спасать людей, постигать смысл жизни... Ты выбрала картонную коробку сама.

Мощный, глубокий, «сложнопостижимый» и сильный персонаж, многогранный в своем хитросплетении мозга – Семенов. Как сильно тебя любят женщины, и как сильно ты их тоже не любишь. Как сложно тебе было встретить человека по росту, женщину, к которой не пришлось бы тянуться и до кото-

рой не надо было бы снисходить, рядом с которой не пришлось бы казаться ответственным и серьезнее, чем ты есть на самом деле... И ты ее нашел. Не знаю, из какой коробочки вылез этот Пимкин, но ни возраст, ни отсутствие бурного опыта сердечных страстей не помешали ему влезть в кожу мощного героя. Удачи тебе, мальчик, – далеко пойдешь.

Алике сейчас наверное уже много лет, и она в душе до сих пор сохнет по Семенову, часто вспоминает, но ни о чем не жалеет, потому что всю жизнь знала: скотина, с таким судьбу не свяжешь.

Несчастные и одинокие... Каждый из них отвергает все, что представляет им жизнь в качестве спасательного круга. Такая тонкая драма, такая хитрая схема, такая глубокая метафора – «телефон доверия», такая атмосферная финальная сцена. Спектакль местами хочется растаскать на цитаты: «Пришел, поел, очаровал», «Интересное чувство – спокойно, но не скучно», «Влюбленность – она яркая, бурная, а любовь – тихая и постоянная»...

Для тех, кто засомневался в злободневности пьесы... Среди студентов журфака МГУ как минимум два десятка доморощенных красавиц «на выданье», которые пытаются оп-

В мое время не было такого понятия «по знакомству».

ших мамаш, живущих во имя «ююта и хорошей репутации в СМИ» тоже достаточно. Ради интереса, прочтите биографию Анжелики Агурбаш (псевдопевица, бывшая жена «мясника», владельца колбасного завода). Чокнутые поэтессы, помешанные на виртуальной эротике, давно ушли в подвалы, потому что интернет быстро поглощает все, что стремительно стареет. Но они существовали и существуют, помнится, мне даже довелось лицезреть выступление психически неуравновешенной женщины-рифмоплета на открытии когда-то легендарного «Сквот-кафе».

Журналисток-провинциалок на «Первый канал» работать берут, и вот почему: средняя зарплата у Малахова – 35 тысяч рублей, прожженные столичные тв-редактора с еле сохранившейся нервной системой на такие деньги работать никогда не пойдут, а стажеры, «свежее мясо» и новые рабочие руки очень нужны. К слову, схема «по знакомству» действует практически безотказно и везде, так что Яна была очень даже прекрасна и убедительна в своей провинциальной наивности и нервной ответственности.

О том, что наши чувства устроены немного сложнее, чем «любовь, нелюбовь», о том, что людям свойственно испытывать разные оттенки влечения, даже если они уже встретили любовь всей своей жизни, о

Мне сейчас нужен статус, а я трачу время на какого-то таксиста.

равдать надежды семьи достойным кандидатом в мужья. Еще больше таких водится в стенах МГИМО, но там, честно говоря, больше шансов на удачный брак.

Заскучавших мальчиков из богатых семей еще больше, сумасшед-

том, что, выбирая между благосостоянием и увлеченностью, некоторые из нас неожиданно для себя могут выбрать первое – обо всем этом принято как-то шепотом и с ухмылкой. В школе о таких вещах вообще не говорят, людям свойственно недооценивать подростковый мозг. А зря, возможно, тогда юношеских драм было бы меньше, а моральные травмы и подростковое одиночество искоренялось из поколения в поколение.

Задача режиссера – дать возможность услышать, а не быть услышанным. А вот насколько хорошо мы его поймем и поймем ли – это уже наша проблема. Спасибо режиссеру за то,

что он счел нас способными понять. Спасибо ему, мастеру, за прекрасную привычку – сложно смотреть на простые вещи, за юмор на грани грусти, за улыбку со слезами на глазах, за глубину. Спасибо тебе, Никита Дашкевич, за этот многоэтажный в своей иронии текст. А что касается реального прототипа Георгия Крушевского (я, кажется, понимаю, о ком речь), то он, наверное, много раз поперхнулся за эту театральную неделю...

За что? Я же все делала, как мы с вами договаривались...

О СВОБОДЕ И ИСКРЕННОСТИ

Виктория Буяновская

Глубокую и чистую эмоцию спектакля «Телефон доверия» передают детали, которые не бросаются сразу в глаза, но присутствуют в действии постоянно, создавая единый живой фон.

«Вот опять окно, где опять не спят...» – с самого начала главная песня спектакля очаровывает, согревает, рисуя идиллическую картинку, за которой, как мы узнаем, скрываются гораздо более сложные ситуации, отношения, поступки. И в то же время эта влюбленная пара, платье в горошек – нежная, простая и красивая сцена, которую мы видим в прологе, останется вечным символом искренности, а окно с зажженным светом – маяком для тех, кто эту искренность не предал. Спектакль на самом деле искренности и посвящен. Он о той любви, которая рождается глубоко внутри и ни от каких обстоятельств не зависит.

И, конечно, о свободе. Пустая квартира в элитном комплексе, где не хватает чего-то важного и все место занимают огромные пуфы, не создающие уюта, но словно вытесняющие все подвижное, живое; лестничная площадка и этаж снизу – там по крайней мере одна из дочерей Крушевских должна найти себе выгодную партию... В первых двух картинах действие разворачивается в этих повседневных рамках, но с конца третьей картины и почти всю четвертую герои, словно нарушая закон, к которому сами себя присудили, движутся хаотически, словно не видя границ той или иной ус-

ловной «плоскости». Невероятные силы, такие как любовь, жажда красоты, страх одиночества пробиваются из сердец к свету. Эти порывы – настоящие, ни время, ни фальшь окружающих не властны заглушить их. Лично для меня самым ярким таким порывом, от которого му-

«Я должен буду навсегда покинуть вас и жениться на Элле».

рашки по коже, стал момент, когда Алекс рассказывает отцу о смерти матери, а тот, забыв про жену, про все условности, бросается к сыну с криком: «Почему вы мне не позвонили? Я бы приехал, я бы что-то сделал. Я... любил ее». Это и есть «разговоры не для прессы», то, что не выставляют напоказ, то, в чем и

проявляется живая жизнь.

Но любимой сценой спектакля для меня стал эпилог, показавший одновременно и мощь, и тонкость человеческих эмоций, впитавший, кажется, всю боль и одиночество героев. Лика слышит много разных голосов, или один голос, или слышит только молчание в ответ – не так важно, потому что она – и мы вместе с ней – слышим общую боль, боль всего человечества. И мы делимся этим, чувствуем биение чужого сердца и отчаянно вслушиваемся в голоса на другом конце провода, даже не в слова, а в тон, стараясь уловить главное сокровище – искренность.

Люди не зря ошибаются, звоня по «телефону доверия» и попадая не в службу, а к чуткому человеку, или даже совсем не ошибаются, а, может быть, этим особенным чувством угадывают? Ведь Лика все время отдергивает шторы на окне, чтобы видеть окружающий мир, видеть солнце, видеть других, а не только себя, хоть что-то, пусть даже пейзаж открывается не из приятных. Но даже и этот пейзаж меняется, когда в героях начинают брать верх настоящие эмоции: исчезает символ смерти, всего неживого – морг, по поводу которого язвительная старшая сестра Крушевских так часто шутила.

В спектакле показана живая, обшая, разделенная с другими жизнь, в которой все взаимосвязано. И за два часа ты тоже становишься как будто глубоко связан с героями собственной болью, любовью, страхами. За это наполнившее душу чувство – спасибо режиссеру, автору и актерам!

ДЕФИЦИТ ДОВЕРИЯ

Ольга Дунаева
(Бученкова)

*Помолись, дружок, за бессонный
дом,
За окно с огнем!
(М.И. Цветаева)*

... «Телефон доверия» – пьеса молодого автора Никиты Дашкевича. И сразу много вопросов, ожиданий, возможно, сомнений и даже легко-го скепсиса. Все это сменяется совершенно другими эмоциями после просмотра, «проглатывания» спектакля. Автор из малоизвестного превращается в хорошо известного – из Никиты Дашкевича в Дарью Никитину, более того, все время спектакля не покидавшего нас, зрителей, добавляющего души, не придуманных, а реальных переживаний в историю, которая оказалась семейной, почти документальной... И молодость автора ничуть не помешала сделать историю взрослой, напроць лишенной юношеского романтизма, зрелой и честной.

Случайно подслушанные разговоры приоткрыли предысторию пьесы – это сюжеты, рассказывавшиеся и происходившие в семье, с близкими и знакомыми автора – реальные как сама жизнь. Но, пожалуй, не обладай я этой информацией, я бы не усомнилась в *реальности* истории: первое, что бросилось в глаза и стало абсолютно очевидным по окончании спектакля,

здесь нет главных и второстепенных героев, как и в жизни, каждый человек – это главный герой пьесы под названием «моя жизнь». Да и жизнь в целом – это причудливое, счастливое, драматичное, удивительное, бессмысленное и много еще какое переплетение этих личных историй, каждая из которых не готова уступить другим в своей важности. И в этом смысле – в действе, заключенном в рамки двухчасового спектакля, участвовало еще множество лиц, узнававших в героях себя, своих ро-

ской жизни. Одиночество ожидания, навевшее Цветаевой эти строки (в 1916 Цветаева ждет ушедшего на фронт мужа), легкое чувство закравшейся зависти к светящимся (в прямом и переносном смысле слова) в ночи окнам... Для меня это пьеса про одиночество среди большой семьи, «светского» общества, культурной богемы, среди известности, среди большого города и многонаселенного «сумасшедшего» дома, где ты не можешь найти понимания, где каждую минуту кто-то беспардонно вторгается в твою жизнь, но где не у кого попросить поддержки, и гораздо проще набрать незнакомый номер, где тебя услышат, может, даже помогут, но – главное – гарантированно выслушают... Одиночество в большом городе при наличии десятка различных современных способов коммуникации – тема современная и актуальная.

Телефон доверия – одна из самых социально значимых «услуг», но звонок в поиске понимания нужен не только подросткам-наркоманам или отчаявшимся суицидально настроенным женщинам... Каждый из нас хоть раз в жизни (а на самом-то деле куда чаще!) остро нуждается в возможности довериться кому-то. Доверие – понятие абсолютное и бескомпромиссное: нельзя доверять частично, чуть-чуть, как невозможно быть немного мертвым или слегка счастливым... Либо да, либо нет... Голика сомнения убивает доверие, нарушает тончайшую связь между двумя людьми, рискнувшими довериться друг другу. Поистине счастливы те безумцы, которые не страшатся отдаваться и доверяться, порой ошибаясь и обжигаясь, но свято веря в красоту и единственную правоту естественных и искренних взаимоотношений... Этого мало, очень мало в *реальной* жизни.

Теперь немного о том, «как это сделано»... Этот спектакль для меня оказался необычным и удивительным: открытый было больше, чем ожидаемого удовольствия от встречи с «родными» и «близкими», которые, конечно, были на высоте, как всегда, не разочаровали, как и раньше всколыхнули что-то глубинное и

*В каждом доме, друг,
есть окно такое...*

дителей, знакомых, первую любовь, свои ошибки, ушедших людей, ситуации, в которых они уже были или могли бы оказаться.

Если бы меня вот так спонтанно спросили – о чем спектакль, я бы сказала – о жизни, нашей жизни... Жизни в новых или старых квартирах с неизменным видом на морг из окна как напоминание о кратковременности нашего пребывания тут.

Стихи Цветаевой, выведенные в эпиграф и ставшие лейтмотивом пьесы, – это стихи об одиночестве человеческой души, о горе и пустоте люд-

*Девушка, вы нужны мне! Вы
ведь одиноки? Я это чувствую...*

настоящее. Но именно за открытиями мы приходим, открытиям радуемся. Как уже упомянула, в спектакле нет второстепенных вспомогательных ролей, призванных раскрыть характеры главных героев, все роли – главные. Здесь нет привычного костяка звезд, держащих нерв спектакля. Именно поэтому спектакль необычен своей насыщенностью разной энергетикой: плотным, достоверным и крайне выдержанным жизненным *реальным* накалом.

Как и в жизни, люди, которых мы встречаем (читай: герои, которых мы видим на сцене) более или менее нам интересны, близки: одни западают нам в душу, мы по-настоящему влюбляемся в них, других мы не понимаем и недолюбливаем, третьи вызывают улыбку, при виде иных мы не стесняемся покрутить пальцем у виска. Именно так, благодаря нашему интересу, они становятся для нас главными и второстепенными героями уже нашей жизни (читай: спектакля). Так, для меня главным героем стал псевдо-Семенов, Артем в исполнении Д. Пимкина. Удивительная актерская работа, талантливая до мурашек... Наверное, в любой компании есть такой «семенов» – балагур, шут, циник, для которого, кажется, нет ничего святого, эгоист, готовый из всего сделать шоу, столкнуть всех лбами и позабавиться. С ним всегда весело, без него – болото, про таких обычно говорят «неплохой парень, но он плохо кончит...» А еще именно таких любят женщины, при этом прекрасно понимая, что тут совершенно точно не дождаться тихого и спокойного семейного счастья, романтических прогулок при луне, вздохов и тихих и благополучных семейных просмотров телевизора по вечерам. Для меня именно Артем – катализатор всего происходящего.

Забавно, но с нами всегда случается в итоге то, что, как мы считаем, с нами никогда не может случиться – просто потому что «никогда» – то, чего мы больше всего боимся: Наташа влюбляется в Семенова (и это имея просто-таки лучшее из мужей!); Мила почти влюбляется в таксиста с домиком в глухой деревне (всегда считая, что ее избранником должен стать кто-то равный ей – белая кость, голубая кровь);

известность возвращает к забытому композитору в момент, когда все семейное «грязное белье» вылезает наружу, да еще и с внезапно появившимся из ниоткуда внебрачным сыном; иллюзия любви и счастливой жизни рушится даже для «железной» Элеоноры; и наконец Семенов влюбляется, а уж этого с ним-то точно не могло произойти! Жизнь удивительна в своей непредсказуемости: она делает неожиданные подарки, одаривает или отнимает все, а порой жестоко обманывает.

И сценография подтверждает это: мы оказываемся в пространстве новой квартиры в одном из элитных жилых комплексов Москвы, куда переехала семья композитора Крушевского, еще не догадываясь, что всем им здесь предстоит пережить крушение иллюзий... Мы все – герои

У художника Балаяна есть сын Артем. Высокий, спортивный, умница. Мама плохого не посоветует.

фортнее). На сцене нет ничего, что хоть немножко напоминало бы о творческой профессии ее хозяина... Фальшь, пустота, мираж...

Ну и, конечно, финал спектакля полностью (для меня во всяком случае) поддерживает идею жизненности происходящего – здесь нет точек, нет завершенности, характерной для классической драматургии. Каждому человеку, каждому персонажу этой пьесы нужно выговориться, пусть незнакомому человеку, надо, чтобы его услышали... Герои стоят в зрительном зале, обращенные к автору-инициатору-героине сегодняшнего разговора про жизнь, рассказывая о своем сокровенном, терзающем их сейчас. И вот мы готовы уже встать со своих мест и подождать своей очереди сказать о наболевшем... И чьи-то горести кажутся мелкими и не стоящими по сравнению с трагедиями других, но для каждого человека в этот момент времени именно его проблема кажется единственно значимой...

А еще: тем, кто имеет мужество быть для кого-то «телефоном доверия», очень часто самим нужна помощь, нужен кто-то, кто выслушает их...

У спектакля множество возможных исходов, как много их в личной истории каждого героя, в жизни каждого человека, и пока он дышит, точка не может быть поставлена, и все может измениться, и все можно изменить...

У нее были смешные колени с ссадинкой. Она вся светилась на солнце.

и зрители – находимся в комнате с одним окном, которое для кого-то с улицы кажется таким привлекательным, ведь там наверняка происходит что-то увлекательное, там творческая жизнь! Но в доме этом нет уюта – бесформенные пуфы, уместные разве что на даче, по углам коробки разных размеров, нелепые тумбочки на колесиках (на лестничной площадке – и то, пожалуй, ком-

ПРЕОБРАЖЕНИЕ БОЛЮ

Владимир Аверин

Пришедший на премьеру нового спектакля театральной студии МГПГЛ зритель, наблюдая за жизнью людей на сцене, вовсе не ощущает «четвертую стену», этот невидимый барьер, отделяющий его от актеров. Напротив – сочувствует с максимальной отдачей душевных сил. Зритель смеется – вместе, страдает – вместе, и страдание это огромно. Уместно сказать здесь о катарсисе: переживания накапливаются, напряжение нарастает до определенной точки – после чего происходит преображение, очищение души. И боль сменяется каким-то другим чувством, тонким, едва уловимым. Однако ты точно понимаешь – что-то только что в тебе изменилось, что-то новое унесешь ты с собой из этого зала, оставив ту боль позади. Не на подобное ли очищение надеется человек, набирая номер телефона доверия?..

Об этом сложно писать. И я не уверен, что стоит. Не уверен, что подробный анализ эмоциональной силы и душевного воздействия этого спектакля даст нечто большее, чем дал уже – тогда, в зале. Поэтому, будет интересно, я думаю, посмотреть на пьесу с другой стороны. Посмотреть, как она сделана и как работает. Сфокусироваться на том, о чем едва ли задумываешься в роли зрителя. И здесь я бы хотел сказать об одном – наиболее ярком, как мне кажется – ощущении, что оставляет спектакль. Это ощущение целостности. Проявляется она на разных уровнях, и, прежде всего, уже на уровне текста. На нем я бы и хотел задержаться.

Взаимная связь и обусловленность отдельных элементов текста скрепляет их, образуя единое, цельное произведение. Именно эти связи во многом образуют и сюжет. Рассмотрим один пример, который, по моему мнению, наиболее ярко раскрывает это свойство пьесы. Обратимся собственно к тексту.

Крушевский, отвечая на вопрос Милы о том, как он встретил ее маму, упоминает трогательную, но незначительную на первый взгляд деталь – ссадинку на коленке его будущей жены (в действительности, матери Алекса, как мы понимаем из последующего комментария Лики и реакции Крушевского на него). Однако деталь эта возникает и в другом эпизоде, и, появляясь в тексте повторно, она преображается, приобретая куда больший вес, раскрывает целый ряд новых смыслов. Алекс замечает на коленке Лики ссадинку – и деталь эта становится здесь особым знаком, связующим ее с матерью Алекса. В свою очередь, сам этот эпизод «свидания» Лики и Алекса перекликается со сценой, открывающей действие спектакля, и, как результат, эпизод этот приобретает еще боль-

шую глубину: на сцене лишь два человека, но в сознании зрителя непременно присутствует и другая пара – пара из пролога. Таким образом, мы видим, как связаны между собой три отдельно взятых эпизода, в силу своей связи приобретающие, пожалуй, даже статус «ключевых» точек сюжета. И здесь важно отметить также их равномерное размещение в композиции: сцена, предшествующая финалу, отсылает нас как к центральной части пьесы (через рассказ Крушевского), так и к самому началу.

Однако связи эти играют важнейшую роль не только при строительстве сюжета, но и при создании особого настроения. Происходит слияние различных пластов и, в результате, усиление эмоционального эффекта. Ситуация Лики и Алекса сама по себе трагична. Но воспринимается она гораздо более остро за счет созданного фона, той картинки, что параллельно существует в этот момент в сознании человека, сидящего в зале: ведь с парой из пролога связаны самые светлые и трогательные чувства. Но идиллия, показавшаяся на миг, рушится, прорастая драмой.

В результате сцена эта за счет отсылок словно вбирает, впитывает в себя дополнительную энергию, что накапливалась ранее, – и именно эта энергия, освобождаясь в финале, делает удар по-настоящему острым.

Отдельные тонкие линии, пронизывающие пьесу, переплетаются, сливаясь, образуют нечто большее, до тех пор, пока эту тяжесть зритель еще может вынести, удерживать в себе – и резко это сплетение разрывается в финале. Разрывается неподдельной болью. Возможно, оттого так звонко это молчание в телефонной трубке...

Но боль – и с этого мы начали – не уничтожает. Она способствует преображению. Поэтому в финале зрителю остается лишь одно: пустить в свою душу свет – распахнуть свое собственное окно.

ГОУ гимназия №1505

«Московская городская педагогическая гимназия-лаборатория»

107061 Москва 2-я Пугачевская, 6 каб. 24
телефон 964.33.60

Пугачёвка, 6

Театральное приложение
май 2013

Главный редактор Колчугина О.П.
Мнение авторов не обязательно совпадает
с позицией редакции

Технический редактор Надежда Белякова
Выражаем благодарность Вадиму Александровичу Терехову за содействие в создании этого Театрального приложения.

Дизайн обложки – Анна Николаевна Ноздрачева.
Использованы фотографии Редакции, Владимира Аверина, Евгении Ефремовой, Дмитрия Максимова и Екатерины Межековой.